

УДК 101.3

СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА КАК ЦЕННОСТЬ

Н. В. Омельченко

Волгоградский государственный университет

Поступила в редакцию 17 февраля 2012 г.

Аннотация: автором рассматривается свобода как неотъемлемое свойство человека. В связи с этим обсуждаются следующие вопросы: свобода и ответственность, собственность и свобода, свобода как фактор безопасности, свобода как принцип метафизики уважения к человеку, метафизика тирании. По мнению автора, современные социальные и технологические вызовы актуализируют свободу прежде всего как непреходящую антропологическую ценность.

Ключевые слова: свобода человека, ответственность, собственность, безопасность, метафизика тирании.

Abstract: the author considers freedom as an attribute of humanity. In this connection, he discusses such issues: freedom and responsibility, property and freedom, freedom as a factor of security, freedom as a principle of metaphysics of respect for humans, metaphysics of tyranny. In his opinion, contemporary social and technological challenges actualize freedom first of all as an immutable anthropological value.

Key words: human freedom, responsibility, property, security, metaphysics of tyranny.

Идея свободы плохо прижилась в новейшей истории России. Предпочитая, особенно в последнее время, говорить о соборности и справедливости, о порядке и ответственности, мы допускаем серьезную ошибку: забываем о ценности человеческой свободы.

Известно историческое правило Тацита (58–117 гг.) – описывать события «без гнева и пристрастия». Современная наука по-прежнему настаивает на нем: требует объективности, т.е. бесстрастности, эмоциональной и ценностной нейтральности при рассмотрении явлений. На наш взгляд, это невыполнимый императив, поскольку живой человек всегда имеет определенные чувства и ценностные предпочтения. Если же его заставить отказываться от своих экзистенциальных настроений, то такой субъект по имени «ученый» оказывается увечным, т.е. существом с искусственно вытравленными чувствами. Риторический вопрос: можно ли доверять знанию одномерных индивидов? Новая социальная теория должна, по крайней мере, задуматься над вопросом о природе ценностей и их роли в гуманитарном знании.

Понятие *ценность* указывает на человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности [1, с. 732]. В этом смысле ценность свободы человека очевидна.

Сделаем еще одно предварительное замечание. Возьмем, к примеру, постулат: мерой социального прогресса является степень свободы лич-

ности. Эта идея может быть представлена по-разному, но наиболее адекватно только в том случае, если о ней будет говорить человек, который мечтает о свободе. Свободу нужно любить. Свободу следует желать. Пред свободой должно трепетать. Свободой пристало по праву наслаждаться. Однажды Шелер напомнил характеристику Новалиса о «богопьяном Спинозе». По аналогии скажем: «свободопьяный человек», т.е. свободой опьяненный человек, или человек, пьяный от свободы. Он настолько любит свободу, что пьянеет от нее, пьянеет, как от горного или свежего весеннего воздуха.

Другими словами, великая идея свободы для своей теоретической и практической реализации требует особого состояния духа. Чистое *ratio* здесь не уместно, да и просто невозможно.

Свобода есть сущность человека

Свобода есть атрибутивная характеристика человека. Это означает, что без свободы человек перестает быть человеком. В античности рабов называли говорящими орудиями, им отказывали в праве быть людьми. Следовательно, свобода является естественным условием человеческого бытия. Поэтому человек не может добровольно бежать от своей свободы, он убегает от «невыносимой легкости бытия» (например, от одиночества или индивидуального бессилия).

Любопытно, что различные трактовки свободы сходятся обычно в одном: свобода есть неотъемлемое свойство человека. Так, по Бердяеву, человек, как и Бог, имеет принцип ничем и никем не детерминированной свободы. По его мнению, неверно старое понимание воли как одного из элементов душевной жизни, через который человек совершает выбор между добром и злом и делается ответственным за зло. Такая свобода воли поработала и угнетала человека; настоящее освобождение человека происходило от благодати, а не от свободы воли; человек свободен, когда ему не нужно выбирать. В этом у Лютера была своя правда, хотя и ошибочно выраженная, по мнению Н. А. Бердяева [2, с. 81–82].

Как известно, Мартин Лютер утверждал природную греховность человека, его полную неспособность по собственной воле выбрать добро. Богобоязненный человек не имеет «свободной воли»: он раб и слуга воли Господа или воли сатаны. Человек не может спастись собственными добродетелями, он не должен даже размышлять, угодны ли Господу его труды, но он может быть уверен в своем спасении, если у него есть вера. Веру дает человеку Бог, и, если человек испытал однажды несомненное субъективное переживание веры, он может быть уверен в своем спасении. Иначе говоря, молись и работай! Человек свободен не для выбора, но от своего выбора и для Божьей благодати.

Рассуждения о зависимости человеческой воли от Абсолюта могут быть весьма интересны. Однако хотелось бы привести еще один аргумент в пользу свободы воли человека. Человек есть *homo creans*. Это, в частности, означает, что *самосознание человека* также *креативно*. Именно эта креативность человеческого духа обуславливает свободную волю человека. Как правило, явления самосознания не существуют автономно и

не возникают, так сказать, изнутри. Наше самопонимание формируется другими (родителями, учителями, врачами, друзьями, всеми теми, кто нас определяет в каких-то терминах). В таком случае мы понимаем себя через призму чужих категорий. Более того, эти внешние дефиниции нас творят, точнее, принимают участие в нашем формировании. Следовательно, мы можем быть слеплены по меркам чужих понятий и жить, вылепленные чужими руками, чужой головой и душой.

Отсюда вытекает, что собственные усилия в области самопознания, собственное самосознание являются важнейшим фактором самостановления. То есть наше собственное представление о себе помогает нам формировать самих себя. Но это будет *наше* самоопределение, и потому мы будем более автономны и независимы. Таким образом, античное требование «Познай самого себя» имеет креативный характер, оказывается одним из способов обретения свободы в современном мире.

Человеческая воля также креативна. Это, в частности, означает, что, выбирая добро, мы укрепляем свою свободную волю. Каждый раз, выбирая жизнь (а не смерть), мы укореняем себя в жизни и тем самым укрепляем саму жизнь. Другими словами, живя своей индивидуальной жизнью, мы укрепляем жизнь своей семьи, своего общества, своей нации, всего человечества. Оказывается, в своем существовании мы не одиноки, и жизнь отдельного индивида, каждого из нас имеет социальное, историческое и космическое оправдание. Бесконечное бытие нуждается в нашей персональной жизни.

Свобода и ответственность

Здесь мы хотим подчеркнуть, что именно свобода обуславливает, формирует, воспитывает ответственность, а не наоборот. Ареал и степень свободы детерминируют ареал и степень ответственности, но не наоборот.

Вспомним, что, по Сартру, если человек обладает беспредельной свободой, то он максимально ответствен за то, что он есть, точнее, чем он становится. Более того, он отвечает за всех людей, поскольку, выбирая себя, субъект выбирает человека вообще [3, с. 324]. Экзистенциалист заявляет, что его теория «отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование». Более того, человек «отвечает за всех людей». Согласно Сартру [3, с. 323, 324, 337], «выбирая себя, я созидаю всеобщее». Поскольку, выбирая себя, мы выбираем человека вообще, то наша ответственность распространяется на все человечество.

Философ по-своему совершенно прав: его тотальная свобода предопределяет тотальную ответственность. Некоторые теоретики, продолжая подобную логику, доходят до последнего предела: каждый ответствен не только за все человечество, но и за ответственность каждого. Этот вывод, возможно, впечатляет или, точнее, ужасает. Однако к человеческой реальности он имеет мало отношения, поскольку в действительности индивиды обладают лишь различной степенью свободы. Их мера свободы определяет меру их ответственности. И больше всего ответственности у тех, кто имеет максимальную свободу мысли и действий.

Мы же с готовностью наделяем непосильным бременем ответственности каждого, и от этого нам почему-то становится легче. Видимо, навесив ярмо ответственности на всех индивидов, нам сподручнее «воспитывать» их, мытарить их душу, непрестанно укоряя за неправильный образ жизни и мыслей. При этом мы незаметно перекаладываем на всех свою собственную ответственность, и нам, разумеется, становится легче. Таким образом экзистенциалистский гуманизм начинает подпитывать обыкновенную тиранию.

Мы исходим из того же правила: мера свободы есть мера ответственности. И если интеллектуалы соглашаются с тем, что они больше других свободны в своих мыслях и речах, то им следует признать, что прежде всего они ответственны за состояние мира. Но кто же примет эту ясную логику? Мы предпочитаем все человечество заставить делить с нами глобальную ответственность. А о власти имущих и говорить не приходится: у них всегда виноваты все, кроме них самих.

Что касается утверждения Сартра «экзистенциализм – это гуманизм», то это не более чем декларация доброй воли, предложение из «протокола о намерениях». Экзистенциализм оскорбляет личность уже тем, что взваливает на нее безмерную ответственность, предварительно сообщив об абсолютной ее свободе. Однако прокламация абсолютной свободы индивида при наличии у него фактически относительной свободы есть ложная посылка, создающая иллюзию получения субъектом любого желаемого результата. Поэтому требование универсальной ответственности для реального человека является чрезмерным, неадекватным, тем самым оно принижает достоинство человека.

Любопытно, что до сих пор на человека предпочитают взваливать сверхчеловеческую ответственность. О его свободе, как правило, молчат, но вопиют о его ответственности. Идеология тотальной ответственности наиболее популярна, и ей нравится третировать нас ужасом ответственности. Оптимальная же ориентация иная: предоставьте человеку действительную свободу, и он сам примет на себя надлежащую ответственность. Мера свободы обуславливает меру ответственности.

Свобода есть необходимое условие ответственности. В противном случае человек действует по принуждению – внешнему или внутреннему. И он не может отвечать за это вынужденное действие. Индивида можно поощрять, если он по своей воле выбирает добро, или наказывать за его сознательный выбор зла. Если же признать, что индивид выполняет чей-то приказ или совершает проступок по причине болезни, в состоянии аффекта или невменяемости, то в таком случае индивид оказывается лишь марионеткой какой-либо силы и не может нести ответственность за действие этой неподвластной ему силы.

Сартр полагал, что его теория – единственная концепция, которая придает человеку достоинство и не делает из него объекта [3, с. 335]. Однако в реальной жизни человек является и субъектом, и объектом. Конечно, плохо, когда индивид полностью превращается в объект, в марионетку. Но столь же плохо, когда он становится единственным субъектом. Для

такой экстраличности весь мир предстает в виде сплошной пустыни, где можно действовать с безграничной свободой. Нетрудно видеть, что подобная идеология рождает тиранов.

Собственность и свобода

Идеология капиталистического общества начинается с прокламации: собственность есть свобода. Собственность частного лица есть частная собственность. Как писал Ф. А. Хайек, «...частная собственность является главной гарантией свободы, причем не только для тех, кто владеет этой собственностью, но и для тех, кто ею не владеет. Лишь потому, что контроль над средствами производства распределен между многими не связанными между собой собственниками, никто не имеет над ними безраздельной власти, и мы как индивиды можем принимать решения и действовать самостоятельно. Но если сосредоточить все средства производства в одних руках, будь то диктатор или номинальные “представители всего общества”, мы тут же попадем под ярмо абсолютной зависимости» [4, с. 83].

Фридрих фон Хайек по-своему прав. Однако здесь имеется и другая сторона. Примем исходную предпосылку: частная собственность есть основа свободы личности. Отсюда с необходимостью вытекает, что большая частная собственность обеспечивает большую степень свободы ее владельцу, а малая частная собственность дает лишь малую толику свободы. Отсутствие же частной собственности всегда означает отсутствие свободы личности. Следовательно, устойчивая интенция обладать частной собственностью означает человеческое стремление обрести свободу.

В связи с этим вспомним такой факт. В Древнем Риме все население (как патриции, так и плебеи) было поделено на пять разрядов (классов); в основу деления был положен критерий имущественной состоятельности. К первому разряду относились граждане, которые владели имуществом в 100 тыс. ассов (один асс, или сестерций, представлял собой медную монету весом 327,5 грамма) или земельным участком площадью свыше 20 югеров (один югер был равен одной четверти гектара). Имущество граждан второго разряда было оценено в 75 тыс. ассов (15–20 югеров земли), третьего – в 50 тыс. ассов (10–15 югеров земли), четвертого – 25 тыс. ассов (5–10 югеров земли), пятого – 11 тыс. ассов (менее 5 югеров земли) [5, с. 144].

Сегодня мало что изменилось. Только вместо сестерция особым почетом пользуется американский доллар.

Однако продолжим наше рассуждение. Если же иметь в виду, что «*заработная плата идентична частной собственности*» [6, с. 97], то выходит, что размер моей зарплаты определяет размер моей персональной свободы. Следовательно, те бизнесмены и руководители, которые не выплачивают своим работникам зарплату, лишают их свободы, т.е. превращают людей в рабов и выступают против основного принципа капиталистического развития: собственность есть свобода. Назначение же мизерной зарплаты есть обыкновенное издевательство над достоинством личности и равносильно также лишению свободы. Одним словом, такие предприниматели суть ретрограды, мешающие буржуазной эволюции общества.

С либеральной точки зрения первое условие достижения свободы в современной России – это значительное и постоянное увеличение размера заработной платы. Некоторые пропагандисты поспешно заявляют, что мы не выдержали испытания свободой и потому нам нужна новая диктатура. На наш взгляд, социальная ситуация прямо противоположная: мы еще не знали свободы, отвечающей человеческому достоинству. Таким образом, вопрос повышения заработной платы есть вопрос не только экономический, но глубоко социально-политический и, так сказать, антропологический, поскольку в конечном счете связан со свободой человека. Иначе говоря, согласно либеральной концепции, достоинство личности измеряется достойным счетом в банке.

Если свобода есть атрибут личности, то без свободы (следовательно, как утверждает либерализм, без частной собственности) нет и личности. С этой точки зрения общество, где основная масса населения получает нищенскую зарплату, являет собой не что иное, как общество современных рабов. Вот почему либерализм с его акцентуацией на свободе есть весьма полезная вещь для сегодняшней России.

Вместе с тем следует отметить и теоретическую ограниченность либерализма. Например, в русской религиозной философии встречается более тонкое понимание человека. Так, согласно Н. А. Бердяеву, учение о человеке есть прежде всего учение о личности. Личность же не рождается, она творится Богом. «Личность есть целостность и единство, обладающее безусловной и вечной ценностью» [2, с. 62].

В связи с этим подчеркнем: идея *личности* отменяет идею раба. Другими словами, если мы осмелимся в каждом человеке видеть личность, то мы не посмеем его держать за раба. Разумеется, идея личности может иметь и светское обоснование. Мы остро нуждаемся в метафизике уважения к человеку.

Кроме того, мы сплошь и рядом практикуем рабство по причине примитивных производственных отношений. Олвин Тоффлер в свое время писал: «...Труд был грубым и жалким в отраслях Второй волны, даже когда они были высокодоходные. В действительности грубость труда была обязательной составляющей прибылей. Чем больше вы выжимали пота из людей, тем больше денег вы делали».

По оценке американского социолога, если в старом массовом промышленном производстве главным были мускулы, то в развитых высокотехнологичных отраслях главными являются информация и творчество, и это изменяет все. «Грубость в процессе работы уже более не является прибыльной – она непроизводительна». Компании Третьей волны не увеличивают свои прибыли посредством выжимания пота из своих рабочих. Они достигают своей цели не тем, что делают труд более тяжелым, а тем, что работают более умело [7, с. 254].

Все известные примеры процветания свидетельствуют прежде всего об успешной технологической революции. Будущее России неразрывно связано с научно-техническим прогрессом. Если мы и вправду пойдем

по этому пути, то действительно попадем в новую экономическую эпоху с новыми социальными структурами и новым качеством жизни.

Свобода как фактор безопасности

Международная борьба с терроризмом ставит множество вопросов, в том числе вопрос о пределах свободы личности. В связи с этим все чаще появляются настроения, ориентированные на ее ограничение. Так, 7 сентября 2005 г. Ч. Кларк, министр иностранных дел Великобритании, выступил перед депутатами Европарламента в Страсбурге. Он предложил ЕС ограничить права человека, что потребует внесения исправлений в Европейскую конвенцию о правах человека [8].

Сегодня правительства разных стран убеждают своих граждан, что усиление безопасности неизбежно связано с ограничением прав и свобод и что без такого ограничения сделать жизнь более безопасной невозможно. Однако, по утверждению А. А. Аузана, Президента Института национального проекта «Общественный договор», неверно, что «за безопасность можно платить только правами. Это один из вариантов решения, но он малоэффективен и несет в себе значительный риск». По его словам, например, «выменивая безопасность на ограничение прав, вы точно получите усиление опасности произвола правоохранительных органов» [9].

Хотелось бы поддержать эту позицию. На наш взгляд, увеличивая безопасность граждан, нельзя уменьшать их свободу, поскольку такое ограничение оказывается фактором социальной напряженности и, следовательно, опасности. Если до сих пор неизменным критерием социального прогресса признавалось повышение степени свободы, то намеренное уменьшение ареала человеческой свободы кладет начало обратному процессу – социальной инволюции.

Свобода и безопасность не могут противопоставляться друг другу. Обеспечение надежной безопасности не должно осуществляться за счет прав и свобод личности.

Свобода является естественным условием человеческого бытия. Свобода образует ценность личности, которой в таком случае незачем становиться агрессивной и склонной к террору. Иначе говоря, свобода является фактором и гарантом безопасности. Культивируя свободу в обществе, мы обеспечиваем безопасность и устойчивое развитие данного общества.

Свобода как принцип метафизики уважения к человеку

По замечанию Милана Кундеры, «если частный разговор всенародно транслируется по радио, то может ли это означать что-либо иное, кроме того, что мир превратился в концлагерь?».

И далее писатель продолжает свой рассказ: «Тереза пользовалась этим словом чуть ли не с детства, когда хотела выразить, какой представляется ей жизнь в ее семье. Концентрационный лагерь – это мир, где люди живут бок о бок постоянно, денно и ночью. Жестокость и насилие лишь второстепенная (и вовсе не обязательная) его черта. Концентрационный лагерь – это полное уничтожение личной жизни. Прохазка, который не мог поговорить со своим приятелем за рюмкой вина в безопасности уеди-

нения, жил (даже не сознавая того – и в этом была его роковая ошибка!) в концлагере. Тереза жила в концлагере, когда находилась у матери. С той поры она знает, что концентрационный лагерь – не что-то исключительное, вызывающее удивление, напротив – это нечто данное, основное, это мир, в который мы рождаемся и откуда можем вырваться лишь при величайшем усилии» [10, с. 165–166].

А вот описание одного сновидения. «Она маршировала вокруг бассейна голая вместе со множеством других голых женщин. Томаш стоял в корзине, подвешенной под сводом купальни, кричал на них и заставлял петь и делать приседания. Если какая-нибудь женщина приседала неловко, он убивал ее, стреляя из пистолета.

...Сон был ужасен с самого начала. Маршировать в строю голой – для Терезы основной образ ужаса. Когда она жила дома, мать запрещала ей заператься в ванной. Этим она как бы хотела сказать ей: твое тело такое же, как и остальные тела; у тебя нет никакого права на стыд; у тебя нет никакого повода прятать то, что существует в миллиардах одинаковых экземпляров. В материнском мире все тела были одинаковы, и они маршировали друг за дружкой в строю. Нагота для Терезы с детства была знаменем непреложного единообразия концентрационного лагеря; знаменем унижения» [там же, с. 70–71].

Милан Кундера так оценивал свой роман «Невыносимая легкость бытия» (1984): «Роман – не авторская исповедь, а исследование того, чем является человеческая жизнь в той ловушке, в какую превратился мир». И эта западня очень сильно напоминает концентрационный лагерь.

Мы не склонны считать данное сравнение литературным преувеличением. Среди сценариев современного общественного развития вполне вероятным оказывается тупик глобального тоталитаризма. К примеру, вы уверены в том, что обрели новую степень свободы, когда с вас снимают отпечатки пальцев для получения визы или заграничного паспорта?

Метафизика тирании

В одной из своих работ З. Фрейд отмечал, что мышление примитивного человека характеризуется верой во всемогущество мыслей, непоколебимой уверенностью в возможности властвовать над миром и непониманием легко устанавливаемых фактов, показывающих человеку его настоящее положение в мире. В частности, психоаналитик отмечал, что «известного рода солипсизм или берклианизм... действующий у дикаря, не позволяет ему признать реальность смерти» [11, с. 281–282]. Возможно, поэтому, т.е. в силу доминирования в нашем обществе берклианизма, Россия не может признать реальность ее сегодняшнего умирания...

Представленная апелляция к Фрейдю позволяет увидеть: интеллектуальный нарциссизм, всемогущество мыслей в философии есть не что иное, как субъективный идеализм Дж. Беркли (1685–1753). Основные постулаты его бессмертной метафизики хорошо известны.

В «Трактате о принципах человеческого знания» Дж. Беркли доказывал, что *объекты* человеческого познания являют собой разнообразные

идеи. Всеми своими аргументами Беркли [12, с. 177, 185, 188] стремился показать «невозможность существования такой вещи, как внешний предмет». *Действительными вещами* называются идеи, запечатленные в ощущениях творцом природы. Термин «вещь» фактически заменен термином «идея», в частности, потому, что первый «подразумевает нечто, существующее вне духа», а это не допускается его мировоззрением. В «Трех разговорах между Гиласом и Филонусом» философ пояснял своему воображаемому собеседнику: «Я не за превращение вещей в идеи, а скорее – идей в вещи; те непосредственные объекты восприятия, которые, по-твоему, являются только отображениями вещей, я считаю самими реальными вещами» [13, с. 339]. Иначе говоря, «реальность вещей» в действительности означает «реальность идей».

Таким образом, философия Беркли знает только одну субстанцию – дух, и только одну реальность – идеальную, духовную. Эта реальность распределена между Богом и сотворенными им духами. Весь так называемый объективный мир (Космос, природа, общество) существует только в рамках, внутри этих духов; его автономное существование исключается.

Хотя Дж. Беркли любил апеллировать к обыкновенным людям, которые якобы намного легче, чем философы, согласятся с его рассуждениями и доводами, в действительности очень трудно убедить здравый смысл принять логику ирландского епископа. Вместе с тем (что весьма любопытно) если на уровне теоретической философии подобное мировоззрение нередко кажется чистым курьезом, то в области реальной жизни, социальных и политических отношений мы прежде всего усваиваем берклианский стиль «всемогущества мыслей». Однако метафизика Беркли есть философия тиранов, идеология тоталитарного правления.

Верным признаком любой диктатуры служит насилие и политический произвол, методологическим основанием которого является субъективизм. В связи с этим можно вспомнить, как в известном романе Дж. Оруэлла о тирании «1984» один высокопоставленный чиновник так называемой внутренней партии совершенно серьезно говорил о себе подобных: «Мы покорили материю, потому что мы покорили сознание. Действительность – внутри черепа. ...Для нас нет ничего невозможного. ...Вы должны избавиться от представлений девятнадцатого века относительно законов природы. Мы создаем законы природы» [14, с. 179]. Перед нами прекрасная иллюстрация метафизики Дж. Беркли, который писал: «Если допустить, что мир состоит из материи, то красоту и пропорциональность ему придает ум...» [15, с. 41].

Подчеркнем, что критика человеческого разума по поводу его якобы несомненной и порочной связи с тоталитаризмом поверхностна. Дело в том, что наличие «единой истины» – это еще не условие тирании. Допустить это – значило бы, в частности, что единый Бог как единая истина есть самый первый фактор тоталитаризма. Тогда именно религия оказывается дорогой в рабство.

Мы же разделяем замечание Лесли Стевенсона [16, с. 17]: «Следует, правда, отметить, что те, кто верит в существование объективных мо-

ральных норм, все же могут поддерживать либеральную общественную систему, если считают неправильным пытаться *навязывать* их).

В действительности тирания начинается тогда, когда какая-либо *частная* истина (светская или религиозная) насаждается методами Чингисхана. В таком случае «холодная» или «горячая» война происходит не от разума, а от его недостатка и в конечном счете от безумия, не от «единой истинь», а от приватного духа какой-либо корпорации, которая желает свою *частную* истину сделать универсальной посредством грубого насилия.

Одним словом, именно методологический субъективизм, т.е. незабвенная метафизика епископа Дж. Беркли является философией тоталитаризма.

Согласно Беркли [15, с. 41], «непосредственно ничего не существует, кроме личностей, т.е. разумных вещей, все же другие вещи являются не столько самостоятельно существующими, сколько способами существования личностей». Когда политико-экономическая элита начинает воображать, что непосредственно ничего не существует, кроме нее самой, т.е. подлинных личностей, а весь остальной мир (человек, общество, природа) рассматривается как способ ее существования, тогда она обращается к языку оруэлловского функционера: «Для нас нет ничего невозможно», – и создает законы общества и природы.

Имея в виду гигантские масштабы идеологического давления власти, информационного кодирования масс в современном обществе, можно определенно говорить: мир Оруэлла не настолько фантастичен, как принято думать. Сегодня мы на пороге глобального тоталитаризма.

Правда, рано или поздно пренебрежение объективной реальностью дает о себе знать. Так, В. Хёсле в своих Московских лекциях отмечал, что основная иллюзия метафизики Нового времени – «ослабление принципа бытия благодаря усилению Я» [17, с. 11]. По его мнению, именно философская недооценка природы приводит в конечном счете к экологическому кризису. Поскольку сегодня эта теоретическая тенденция сохраняется, «...требуется остановить и повернуть вспять нарастающую субъективистскую трансформацию природы». Мы должны научиться «метафизическому уважению к природе...» [там же, с. 164, 170].

В. Хёсле справедливо считает, что философский субъективизм недооценивает внешнюю реальность и на практике ведет к ее разрушению. Субъективный идеализм конституирует хроническую неполноценность природы и, следовательно, ее изначальную униженность. Находясь в рамках подобной парадигмы, человек привыкает пренебрежительно относиться к окружающему миру. В результате эта дурная привычка приводит к столь серьезным последствиям, что под угрозой оказывается сама жизнь человеческого рода.

Когда природа, общество и отдельные индивиды представляются лишь в качестве компонентов человеческого духа, в том числе сознания политических лидеров, то весьма проблематично говорить о какой-либо метафизике уважения к внешней реальности. Демократия же требует, прежде всего, признания объективной автономии и объективной ценности гражданского общества и личности.

Если начало выхода из экологического кризиса видеть в создании метафизики уважения к природе, то преодоление кризиса общества и человека логично связывать с метафизикой уважения к обществу и человеку, т.е. с гуманистической философией. Если парадигма «человек – господин природы» устарела, то можно предполагать, что современная оппозиция господина и раба в социальных и межличностных отношениях также скомпрометирует себя окончательно. Идея свободы – великая идея XXI века.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1989.
2. Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1993.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов / перевод, сост., общ. ред. А. А. Яковлева. – М. : Политиздат, 1989.
4. Хайек Ф. А. Дорога к рабству / Ф. А. Хайек. – М. : Экономика, 1992.
5. Кучма В. В. Государство и право Древнего мира : курс лекций / В. В. Кучма. – Волгоград : Офсет, 1998.
6. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1974. – Т. 42.
7. Тоффлер О. Будущее труда / О. Тоффлер // Новая технократическая волна на Западе. – М. : Прогресс, 1986.
8. Румянцев Ф. Прививка несвободы / Ф. Румянцев, В. Сергеев, А. Зайцев. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/2005/09/07/oa_169980.shtml
9. Аузан А. Колпак безопасности / А. Аузан, Е. Натаров. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2005/12/07_x_492071.shtml
10. Кундера М. Невыносимая легкость бытия / М. Кундера. – СПб. : Азбука-классика, 2002.
11. Фрейд З. Тотем и табу / З. Фрейд // «Я» и «Оно» : труды разных лет : в 2-х кн. Тбилиси : Мерани, 1991. – Кн. 1.
12. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания / Дж. Беркли // Соч. – М. : Мысль, 1978.
13. Беркли Дж. Три разговора между Гиласом и Филонусом / Дж. Беркли // Сочинения. – М., 1978а.
14. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет / Дж. Оруэлл. – М. : Прогресс, 1989.
15. Беркли Дж. Философские заметки / Дж. Беркли // Соч. – М., 1978б. – С. 39–47.
16. Стевенсон Л. Десять теорий о природе человека / Л. Стевенсон ; пер. В. В. Васильева. – М. : СЛОВО/ SLOVO, 2004.
17. Хёсле В. Гении философии нового времени / В. Хёсле. – М. : Наука, 1992.

Волгоградский государственный университет

Омельченко Н. В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии

E-mail: nomelchenko@mail.ru

Тел.: (8442) 94-51-23; 8-905-390-390-7

Volgograd State University

Omelchenko N. V., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy

E-mail: nomelchenko@mail.ru

Tel.: (8442) 94-51-23; 8-905-390-390-7